

АННЕ РОМЕТ (Таллин)

## СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЭСТОНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Как значение слова, так и значение фразеологической единицы (ФЕ) обладает сложной структурой, состоящей из многих компонентов. Основными компонентами значения ФЕ чаще всего считаются предметный, или предметно-логический, и различные разновидности коннотативного компонента. Последний понимается нами как дополнительная информация по отношению к значению, как часть значения, связанная с характеристикой ситуации общения, участников акта общения и их отношения к предмету речи. В коннотативном значении выделяются четыре компонента: эмоциональный, экспрессивный, оценочный и стилистический (Ахманова 1957; Мелерович 1979; Васильев 1964). Сопоставление ФЕ с точки зрения коннотации в двух типологически разных языках представляет значительные трудности, поскольку до настоящего времени не разработана общепризнанная шкала дополнительных сознаний, которая способствовала бы выявлению коннотации.

Рассмотрим несколько подробнее один из компонентов коннотативного значения эстонских и русских ФЕ — стилистический. Эстонская лексика и фразеология с точки зрения стилистической дифференциации мало изучены (Ыйм 1980; Vakk 1970). Ф. Вакк, анализируя соматическую фразеологию эстонского языка, отмечает, что по характеру стилистических оттенков всю соответствующую группу эстонских ФЕ можно разделить на четыре разряда: 1) ФЕ книжного, риторико-торжественного характера («высокий стиль»), напр., *palgest palgesse* букв. 'с ланиты в ланиту' — лицом к лицу; 2) экспрессивно-нейтральные, напр., *oma kõrvaga kuulma* букв. 'своим ухом слышать' — слышать собственными ушами; 3) фамильярные, напр., *suur nina* букв. 'большой нос' — важная птица, крупная шишка; 4) вульгарные ФЕ, напр., *lõugu lõksutama* букв. 'хлопать, щелкать челюстями' — трепать языком (Vakk 1970 : 280, 293). Однако представляется, что в данном перечне не проведено разграничения между стилистической и эмоционально-оценочной характеристиками ФЕ. При исследовании отдельных тематических групп соматических ФЕ Ф. Вакк пользуется пометой *kõnek.* 'разговорное'. Следовательно, есть все основания разделить весь фразеологический состав эстонского языка на следующие стилистические пласты: пласт с повышенной литературностью\*, нейтральный,

\* Название пласта условно, так как в эстонском языке нет единого термина для обозначения подобных языковых единиц. Перевод рус. *книжное* нецелесообразен, поскольку под эст. *raamatulik*, как правило, понимают лексику с оттенком официально-деловой сферы употребления. С. Варе пользуется термином *kõrgkeelne* 'высокий язык' (Vare 1981 : 133), Ф. Вакк — пометой *kirjakeelne* 'литературный язык' для ФЕ, свойственных преимущественно письменной форме речи (Vakk 1970).

разговорный и вульгарный. Каждому из перечисленных пластов свойственна и эмоционально-оценочная окраска. В русском языке лексика (вместе с ней и фразеология) расслаивается по трем стилистическим пластам — высокому, нейтральному и сниженному. Сниженный пласт делится на три разряда — разговорная, просторечная и вульгарная лексика (фразеология). Сравнивая стилистические пласты лексики и фразеологии русского и эстонского языков, следует отметить, что одной из существенных особенностей эстонского языка является отсутствие просторечия как переходной ступени от разговорной фразеологии к вульгарной. При подборе адекватных соответствий следует иметь в виду, что русской просторечной ФЕ в эстонском языке может соответствовать разговорная или вульгарная, напр., *врать как сивый мерин* — эст. *valetama nii et sui suitseb* букв. 'врать так, что рот дымится'; *скатертью дорога* — эст. *käi kus kurat* букв. 'иди где черт'.

Если в русском языке лексика и фразеология разговорного пласта находятся в пределах литературного языка, то в эстонском разговорный пласт не входит в литературный язык. Причиной, по-видимому, следует считать то обстоятельство, что под эстонским литературным языком понимается, как правило, нормированный литературный язык и таким образом разговорный пласт ФЕ остается за его пределами. Однако в эстонском языке отсутствуют четкие границы между литературным и разговорным языком, наблюдается их взаимовлияние и сближение. Поскольку разговорный язык довольно близок к литературному, то границы первого расширяются, он приобретает общий характер (Rätsep 1979). Существенным фактом при сопоставлении стилистических пластов русского и эстонского языков, как считает А. Ыйм, является то, что стилистическая «парадигма» в русском языке более ровно наполнена, чем в эстонском. В последнем чаще встречаются сниженные члены парадигмы, а возвышенные отсутствуют (Ыйм 1980: 94). Специфика эстонского языка заключается в более нейтральном выражении. Так, в исследовании Ф. Вакка, посвященном анализу эстонских соматических ФЕ с названиями частей головы (Vakk 1970), нам удалось обнаружить лишь единичные ФЕ, относимые автором к «высокому стилю» и имеющие оттенок риторичности, патетичности, торжественности; напр., *pole kuhu oma pead panna* букв. 'нет куда свою голову девать'; *nime suhu võtma* букв. 'имя в рот брать'; *näkkü vaatama* букв. 'в лицо смотреть'; *tuliseid süsi oma pea peale koguma* букв. 'горячие уголья на свою голову собирать'; *palgest palgesse* букв. 'с ланиты в ланиту'; *oma palge higi sees* букв. 'в поте ланиты своей'; *palge ees* букв. 'перед ланитой'; *viimse veretilgani* букв. 'до последней капли крови'. Мы же считаем некоторые из перечисленных ФЕ нейтральными по своей стилистической окраске (*näkkü vaatama, nime suhu võtma*).

Вопрос о том, какие факторы влияют на стилистическую маркированность ФЕ, до настоящего времени еще не нашел однозначного решения. Так, И. А. Федосов считает, что «компонентный состав ФЕ в большинстве случаев оказывается решающим при определении их функционально-стилистического значения» (1977: 19). Аналогичной точки зрения придерживается целый ряд авторов (Попов 1976; Ковалева 1978; Вайгла 1977). Разумеется, такая точка зрения будет приемлемой только для исследователей, считающих, что слова в составе ФЕ не теряют всех своих признаков. Если же принять тезис — компоненты фразеологизма не слова, а сохранили в составе ФЕ лишь звуковой облик слова, его звуковую оболочку (Молотков 1977: 26) — то стилистическая маркированность всей ФЕ ни в коей мере не будет зависеть от стилистических характеристик компонентов, составляющих данную ФЕ.

На довольно обширном фактическом материале исследователями

доказана зависимость стилистической принадлежности ФЕ от стилистической маркированности составляющих ее компонентов. По-видимому, данный принцип не всегда надежен, поэтому нельзя руководствоваться только им. Так, *прах* в значении 'мельчайшие частицы чего-л., пыль' имеет оттенок поэтичности и относится к пласту с повышенной литературностью. В составе ФЕ *в пух и прах* стилистическая принадлежность компонента *прах* не оказывается решающей и ФЕ в целом относится к разряду разговорных. Количество подобных примеров можно увеличить по отношению к любому пласту ФЕ.

Обусловленность стилистической окраски всей ФЕ стилистическими характеристиками составляющих ее компонентов наиболее отчетливо проявляется при сравнении вариантов ФЕ, в которых меняется лишь один компонент, грамматическая структура же остается неизменной. В таких случаях стилистическая характеристика всей ФЕ целиком зависит от стилистических качеств нового компонента, напр., *suud pidama* букв. 'рот держать' (молчать) и *lõigu pidama* букв. 'челюсти держать'; *pähe hakkama* букв. 'в голову начинать' (оказывать опьяняющее действие; лишать способности трезво рассуждать, терять чувство реальности) и *pähe lööma* букв. 'в голову ударить'. Компонент *lõuad* 'челюсти' вульгарен, ФЕ в целом вульгарна, *lööma* 'ударить, бить' в составе данной единицы приобретает оттенок разговорности и противопоставляется нейтральному *hakkama* 'начинать'. То же наблюдается в русском языке; ср. *голова варит* и *башка варит*, где компонент *башка* явно влияет на стилистическую маркированность всей ФЕ.

В русском языке одним из характерных лексических признаков ФЕ с повышенной литературностью служит наличие в их составе слов, наделенных признаками высокого стиля (неполногласные *ра, ла, ре, ле*, приставки *воз-, раз-, чрез-, низ-*, суффиксы *-ение, -изн*). В русском языке формированию торжественно-поэтического стиля способствовали старославянизмы, в эстонском языке подобного влияния со стороны другого языка не отмечается. Немецкий язык, оказавший влияние на эстонскую лексику и фразеологию, не оказал заметного влияния на стилистическую дифференциацию эстонского языка в целом. В последнем способы образования стилистически маркированных слов (в том числе и возвышенных) весьма ограничены, словообразовательные средства в подавляющем большинстве не содержат дополнительного стилистического созначения (см. Varg 1981).

В эстонских ФЕ с повышенной литературностью весьма существенно наличие стилистически отмеченных компонентов, т. е. слов, которые в свободном употреблении имеют синонимы, относящиеся к нейтральному стилистическому пласту, напр., *oma tõelist palet näitama* букв. 'свою настоящую ланиту показать'; *põrmi tallama* букв. 'в прах топтать'; *manalasse varisema* букв. 'в могилу спасть'; *vaekauss kaldub kellegi kasuks* букв. 'чаша весов склоняется в пользу кого-либо'. Компоненты *pale* 'ланита', *põrm* 'прах', *manala* '(в мифологии) местонахождение покойников', *vaekauss* 'чаша весов' здесь имеют, по нашему мнению, несколько возвышенный оттенок, который получает и ФЕ в целом.

Самый многочисленный пласт представляют собой разговорные ФЕ. От нейтральных они отличаются более узкой сферой употребления и наличием в их семантической структуре ярко выраженного эмоционально-оценочного компонента. Характерная особенность разговорных ФЕ как в эстонском, так и в русском языках — выражение оценок (одобрения, шутки, иронии, пренебрежения, презрения и т. д.). Лексическим признаком разговорных ФЕ является наличие в их составе таких компонентов, которые по своей стилистической принадлежности — слова разговорного пласта. Многие исследователи отмечают,

что в составе разговорных ФЕ преобладают бытовые слова, соматическая лексика, названия растений и животных.

Наши наблюдения подтверждают мнение исследователей, относящих к разговорному пласту такие ФЕ, в составе которых имеются собственные имена или наименования национальных реалий. С точки зрения подбора соответствий подобные ФЕ представляют значительные трудности, так как во фразеологическом фонде другого языка нет адекватных единиц. При описательном переводе теряется стилистическая и эмоционально-оценочная характеристика ФЕ.

Так, в эстонском языке существует целый ряд ФЕ, имеющих в своем составе имя собственное или обозначение реалий, характерных для данной национальности, напр., *mine poti laadale* букв. 'иди на ярмарку в Потти' в значении 'отстань, не приставай' (Потти — название корчмы, на дворе которой устраивались ярмарки). В современном употреблении собственное имя в составе подобных ФЕ уже утратило свое значение и стало нарицательным существительным. Примерами подобных ФЕ в эстонском языке могут служить еще *asi ants* букв. 'дело антс' в значении 'и делу конец' (Антс — распространенное в Эстонии мужское имя); *mahtrat tegema* букв. 'махтра сделать' в значении 'сделать нагоняй' (Махтра — мыза, где в 1858 г. произошло восстание крестьян, жестоко подавленное); *äkiline nagu rakvere kohus* букв. 'внезапный как раквереский суд' — об очень резком, пылком человеке (Раквере — город в Эстонии). ФЕ с чисто эстонскими реалиями, как правило, относятся к числу разговорных, напр., *tanu alla saama* букв. 'под чепец получить' в значении 'выйти замуж' (*tanu* — чепец, который в старину носили замужние женщины в Эстонии); *käre nagu kadakarõõsas* букв. 'пылкий, как куст можжевельника' — об очень пылком человеке; *peenike nagu silguniisk* букв. 'тонкий как молоки салаки' в значении 'очень худой'; *paljas nagu hiidlase püksinöör* букв. 'гол, как пуговица от штанов жителя с острова Хийумаа' в значении 'совсем бедный'. С другой стороны, русские ФЕ этого типа в эстонском языке не имеют структурно-семантических эквивалентов и переводятся большей частью свободными словосочетаниями, которые, естественно, не могут полностью передать стилистических и эмоционально-оценочных особенностей русской единицы. На эстонский язык такие единицы могут переводиться и при помощи ФЕ, но они, разумеется, имеют совершенно иную образную основу и структуру по сравнению с ФЕ русского языка. Так, *демьянова уха* переводится словами *liialeminek, ülepakkumine* 'излишество, перегиб' с описанием ситуации употребления данной ФЕ — *kostitamisel* 'при угощении'; *филькина грамота* — *tühipaljas paberilipakas* букв. 'совершенно пустой клочок бумаги', в эстонском языке *paberilipakas* 'клочок бумаги' имеет суффикс *-kas*, придающий слову разговорный характер, а все эстонское словосочетание приобретает оттенок пренебрежения; *во всю ивановскую* — *täiest kõrist* букв. 'с полного горла'; *прописать ижицу* — *õpetust/õppetundi andma* букв. 'учение/урок дать'; *бесструнная балалайка* — *lobamokk* букв. 'разговорчивая губа', последнее можно считать и потенциальным компонентом ФЕ (Вакк 1964) и поэтому оно входит во фразеологический фонд эстонского языка.

Разговорными в сопоставляемых языках является большая часть устойчивых сравнений: они родились в народе, отражают его жизнь, быт, занятия, верования и т. д. и поэтому принадлежат живой разговорной речи. В составе устойчивых сравнений, как правило, чаще всего преобладает разговорно-обиходная лексика, которая дает все основания относить подобные единицы к разговорному пласту. Сравним эст. *nagu sooja sepikuga pähe saanud* букв. 'как теплым хлебом по голове получил', *nagu käkitegu olema* 'как испечь колобок быть', *nagu*

*sea selga sadul* букв. 'как на спину свиньи седло', *nagu tuli takus* букв. 'как огонь в пакле', *nagu hane selga vesi* букв. 'как на спину гуся вода', *nagu kirjuid koeri* букв. 'как пестрых собак' и их русские соответствия как из-за угла мешком прибитый, как калач испечь, как на корове седло, как на пожар, как с гуся вода, как собач нерезаных, которые в обоих языках принадлежат к разговорному пласту фразеологии.

Совершенно очевидно, что на стилистическую принадлежность ФЕ влияет и происхождение данной единицы. Так, большинство эстонских и русских ФЕ, восходящих к библии (напр., *silm silma ja hammas hamba vastu* — око за око, зуб за зуб; *hüüdja hääl kõrbes* — глас вопиющего в пустыне) или мифологии (напр., *Damoklese mõõk* — дамклов меч, *Prokrustese säng* — прокрустово ложе), имеет повышенную литературность, они являются книжными.

При определении стилистической принадлежности ФЕ нельзя не обратить внимание на внутренний образ, лежащий в ее основе. Слова вне данной ФЕ лишены стилистической окраски и нейтральны. ФЕ, имеющая в составе эти же слова, при наличии особо яркой образной основы имеет уже совершенно иную стилистическую принадлежность, напр., *kõrvu pea alla panema* букв. 'уши под голову положить' в значении 'умереть'; *ihne jalaga hauas* 'одной ногой в могиле'; *pikkade juhtmetega olema* букв. 'быть с длинными проводами' в значении 'быть недогадливым'; *rõhku pugema* букв. 'в солому залезть' в значении 'лечь спать'. Здесь все компоненты можно считать нейтральными, однако ФЕ в целом имеют разговорную окраску.

Сопоставительное изучение эстонских и русских ФЕ показывает, что во фразеологическом составе указанных языков встречается немало структурно-семантических эквивалентов (полных и частичных). Известно, что даже у самых отдаленных друг от друга народов могут существовать ФЕ, совпадающие по своей образности, компонентному составу и значению. Это объясняется сходными условиями жизни, культурно-историческими контактами, а также общими представлениями и ассоциациями о разнообразных явлениях природы, животного и растительного мира.

В эстонском и русском языках выявляется ряд структурно-семантических эквивалентов ФЕ, однако, как показал анализ, несмотря на тождественность или близость в структурно-семантическом плане, наблюдаются весьма существенные различия в их стилистической характеристике. Эти различия объясняются особенностями развития сопоставляемых языков, влиянием других языков на них, а также особенностями стилистического расслоения лексики и фразеологии и относительной нейтральностью эстонского языка в целом по сравнению с русским.

Анализ соотношения стилистических пластов ФЕ русского и эстонского языков позволяет утверждать, что наиболее часто русской ФЕ (независимо от стилистической принадлежности) в эстонском языке соответствует стилистически нейтральная единица. Отсутствие в эстонском языке просторечного пласта компенсируется за счет разговорного, вульгарного, реже нейтрального пласта.

1.1. Русской книжной единице в эстонском языке соответствует единица с повышенной литературностью: *аннибалова клятва* — эст. *Napibali vanne*; *последний из могикан* — *viimane mohikaanlane*; *вавилонское столпотворение* — *raabeli segadus*; *бросить на чашу весов* — *vaekausile heitma*; *вливать новое вино в старые мехи* — *uut viina vanasse astjasse valama*; *взлететь на геликон* — *Parnassile jõudma* букв. 'дойти до Парнаса'; *бряцать оружием* — *relvi täristama*; *пожимать лавры* — *loorbereid lõikama*; *заснуть вечным сном* — *igavesele unele*

*suikuta*. Большая часть ФЕ этой группы относится к числу интернациональных.

В этой группе выделяется разряд единиц, имеющих в эстонском языке два соответствия, первое из которых принадлежит к пласту с повышенной литературностью, второе — к нейтральному пласту: *наложить отпечаток* — эст. *oma pitserit vajutama* букв. 'свой отпечаток надавить' и *sügavat jälge jätma* букв. 'глубокий след оставить'; *воскурять фимиам* — *viirukit suitsetama* букв. 'фимиам курить' и *kiidulaulu laulma* букв. 'петь хвалебную песню'; *бросить перчатку* — *vaenukinnast heitma* букв. 'перчатку злобы бросить' и *väljakutset esitama* букв. 'вызов предьявить'; *воспрянуть ото сна* — *unekütkest vabanema* букв. 'от уз сна освободиться' и *inest ärkama* букв. 'ото сна проснуться'; *чаша терпения переполнилась* — *kannatusekarikas sai täis* букв. 'кубок терпения наполнился' и *mõõt sai täis* букв. 'мера наполнилась'; *накладывать вето* — *vetot peale panema* и *keelu alla panema* букв. 'под запрет ставить'.

1.2. Русская книжная ФЕ в эстонском языке имеет нейтральное соответствие: *облекать в плоть* — эст. *ilmet võtma* букв. 'взять вид' и *kindlat kuju võtma* букв. 'взять прочную форму'; *вкушать плоды* — *vilja maitsta* букв. 'попробовать на вкус плод'; *восходящее светило* — *tõusev täht* букв. 'поднимающаяся звезда'; *направлять свои стопы* — *oma samme seadma* букв. 'свои шаги устанавливать'; *из уст в уста* — *suust suhu* букв. 'изо рта в рот'.

1.3. Немногочисленны случаи, когда русской книжной ФЕ соответствует эстонская разговорная: *понургово стадо* — эст. *lambakari* букв. 'стадо овец'; *вкушать от пищи святого Антония* — *näljakäppa imema* букв. 'лапу голода сосать'; *плетение словес* — *sõnakõlksud* букв. 'пустые и звонкие слова'.

2.1. Русской нейтральной единице, как правило, соответствует эстонская ФЕ нейтрального пласта: *выходить из терпения* — эст. *kannatust kaotama* букв. 'терпение терять'; *идти с молотка* — *haatri alla minema* букв. 'под молоток идти'; *откладывать в долгий ящик* — *kalevi alla panema* букв. 'под сукно положить'; *отвечать головой* — *oma reaga vastutama* букв. 'своей головой ручаться'; *с глаза на глаз* — *nelja silma all* букв. 'под четырьмя глазами'.

2.2. Нередко русской нейтральной ФЕ соответствуют две эстонские единицы — нейтральная и разговорная: *попадать в точку* — эст. *märki tabama* букв. 'в цель попадать' (нейтральная), а *täkkesse minema* букв. 'в зарубину попасть' (разговорная); *сходить на нет* — *nullpunkti langema* букв. 'в пункт нуля упасть' (нейтральная), *luhta minema* букв. 'в луг пойти' (разговорная); *попасть в историю* — *täbarasse olukorda sattuma* букв. 'в неловкое положение попасть' (нейтральная), *supi sisse sattuma* букв. 'в суп попасть' (разговорная).

3.1. Разговорный пласт русской фразеологии самый многочисленный. Русским разговорным ФЕ в первую очередь соответствуют эстонские ФЕ разговорного пласта: *брать на арапа* — эст. *nahka üle kõrvade tõmbama* букв. 'кожу через уши дернуть'; *водой не разольешь* — *nagu sukk ja saabas olema* букв. 'как чулок и сапог быть'; *денег куры не клюют* — *raha kui gaba* букв. 'денег как барды'; *хлопот полон рот* — *käed-jalad tööd-tegemist täis* букв. 'руки-ноги работы-дел полны'; *списывать в тираж* — *sulge sappa panema* букв. 'перо в хвост положить'; *смотреть в оба* — *silmi ja kõrvu lahti hoidma* букв. 'держат глаза и уши открытыми'.

3.2. Довольно многочисленны случаи, когда русской разговорной ФЕ соответствует эстонская нейтральная: *плевать в душу* — эст. *hingerõh-jani solvama* букв. 'до дна души оскорбить'; *зуб на зуб не попадает* — *hambad plaksuvad suus* букв. 'зубы щелкают во рту'; *ломать голову* — *pead murdma, vaevama* букв. 'голову ломать, мучить'; *выходить из пеле-*

нок — *lapsekingadest välja jõudma* букв. 'из детских туфель выйти'; *петя лазаря* — *nutulaulu laulma* букв. 'плач петя'.

3.3. Русская разговорная ФЕ в эстонском языке может иметь несколько соответствий, но одно из них всегда принадлежит к разговорному пласту, другие — к нейтральному: к ФЕ *трепать нервы* нейтральным соответствием будет *närvidele käima* букв. 'на нервы ходить', а *närvi mustaks ajama* букв. 'нерв черным гонять' и *närve seest sööma* букв. 'нервы изнутри съесть' — разговорные. Для ФЕ *понимать толк* в качестве нейтрального соответствия выступает *asja tundma* букв. 'дело знать', а *kodus olema* букв. 'дома быть' — разговорная; *сходить с рук* — *ei tule vastust anda* букв. 'не приходится давать ответа' — нейтральная, а *terve nahaga pääsema* букв. 'с целой кожей спастись' — разговорная; *заткнуть за пояс* — *varju jätma* букв. 'в тени оставить' — нейтральная, *silmi ette andma* букв. 'очко вперед давать' и *kümme silma ette andma* букв. 'десять очков вперед давать' — разговорные.

4.1. Русской просторечной ФЕ в эстонском языке чаще всего соответствует разговорная: *котелок варит* — эст. *nipp jagab* букв. 'кнопка делит'; *башка работает* — *nipp nokib* букв. 'кнопка клюет'; *ни кожи ни рожи* — *ei nägu ega tegu* букв. 'ни лица ни дела'; *губа не дура* — *nooti tundma* букв. 'ноту знать'; *врать как сивый мерин* — *valetama nii et sui suitseb* букв. 'врать так, что рот дымится'; *хоть лопни* — *tee või tina* букв. 'делай хоть свинец'.

4.2. Несколько реже русской просторечной ФЕ в эстонском языке соответствует вульгарная: *скатертью дорога* в значении 'убирайся вон, иди, куда угодно' — эст. *keri minema* букв. 'мотай долой' и *käi kus kurat* букв. 'иди где черт'; *точить балясы* — *lõugu lõksutama* букв. 'челюсти щелкать'; *чтобы и духу не было* — *kasi mu silmist* букв. 'убирайся с моих глаз' и *et haisugi ei oleks* букв. 'чтобы и вони не было'.

5. Русской вульгарной ФЕ в эстонском языке может соответствовать: 5.1. единица, принадлежащая к вульгарному пласту: *наливать глаза* — эст. *nägu/silmi täis lakkuma* букв. 'лицо, глаза полными наливать'; *псу под хвост* — *kassi saba alla* букв. 'кошке под хвост'; *корчить рожи* — *lõusta väänama* букв. 'рожу крутить'; *вышибать дух* — *tossu välja võtma* букв. 'дух вынуть';

5.2. единица разговорного пласта: *бред сивой кобылы* — эст. *segane nagu hobuse unenägu* букв. 'спутанный как сон лошади'; *показать кузькину мать* — *näitama, kuidas Luukas õlut pruulib* букв. 'показать как Лука пиво варит' и *uut ja vana näitama* букв. 'новое и старое показать'; *лыка не вяжет* — *keel suus pehme* букв. 'язык во рту мягкий'.

Анализ выявленных соотношений между стилистическими пластами ФЕ русского и эстонского языков показывает, что весьма часты случаи, когда эстонское соответствие стилистически шире, чем единица русского языка. Подтверждением этому служат ФЕ русского языка, имеющие в эстонском языке несколько соответствий, принадлежащих к разным стилистическим пластам. Например, одна русская книжная ФЕ в эстонском языке может иметь как книжное, так и нейтральное соответствие, нейтральная — нейтральное и разговорное, разговорная — разговорное и нейтральное. Выбор одного из возможных соответствий обусловлен общей тональностью высказывания.

Интересно отметить, что в тех случаях, когда одной русской единице соответствует несколько эстонских, различающихся не только по структуре и компонентному составу, но и по стилистической принадлежности, одно из эстонских соответствий стилистически несколько «ниже» русской единицы. В качестве одного из таких соответствий всегда выступает единица нейтрального пласта. Это, видимо, может служить подтверждением положения об относительной стилистической нейтральности эстонской фразеологии по сравнению с русской.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О. С. 1957, Очерки по общей и русской лексикологии, Москва.
- Вайгла Э. А. 1977, Из наблюдений над переводом русской фразеологии на эстонский язык. — Труды по русской и славянской филологии XXIX, серия лингвистическая, Тарту (TRÜT 425), 143—171.
- Вакк Ф. 1964, О соматической фразеологии в современном эстонском языке, Таллин (Автореф. канд. дисс.).
- Васильев Е. М. 1964, Сущность и структурные компоненты лексического значения. — Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики ее преподавания, Пермь, 69—75.
- Ковалева Л. В. 1978, Опыт определения стилистической принадлежности фразеологизмов. — Методы и приемы научного анализа в филологических исследованиях, Воронеж, 61—69.
- Мелерович А. М. 1979, Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка, Ярославль.
- Молотков А. И. 1977, Основы фразеологии русского языка, Ленинград.
- Попов Р. Н. 1976, Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов, Москва.
- Федосов И. А. 1977, Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии, Ростов-на-Дону.
- Ыйм А. 1980, К вопросу о стилистической дифференциации лексики в эстонском и русском языках. — СФУ XVI, 88—97.
- Rätsep, H. 1979, Vabameelne, ent mitte käremeelne. — Edasi, 1979, 21. nov.
- Vakk, F. 1970, Suured ninad murdsid päid..., Tallinn.
- Vare, S. 1981, Nimisõnaliited tänapäeva eesti kirjakeeles, Tallinn.

ANNE ROMET (Tallinn)

STILISTISCHE DIFFERENZIERUNG ESTNISCHER UND RUSSISCHER PHRASEOLOGISMEN

Im Artikel wird eine Komponente der Konnotation — die stilistische Charakteristik der Phraseologismen — eingehend betrachtet. Gerade in diesem Bereich zeigen sich die größten Unterschiede zwischen estnischen und russischen Phraseologismen. Die stilistischen Eigenschaften estnischer Phraseologismen sind nicht ausführlich untersucht worden. Der Hauptunterschied zwischen den beiden Sprachen besteht darin, daß dem Estnischen die Stiltfärbung, die dem russischen «просторечие» entsprechen würde, fehlt. Russische Phraseologismen der genannten Stiltfärbung werden im Estnischen mit Phraseologismen, die der umgangssprachlichen oder vulgären Stiltfärbung angehören, wiedergegeben. Oft hat eine russische phraseologische Einheit mehrere estnische Entsprechungen, von denen wenigstens eine neutraler ist als die russische phraseologische Einheit selbst. Wahrscheinlich ist das ein Hinweis auf die verhältnismäßige Neutralität estnischer Phraseologismen im Vergleich zu russischen. Es werden auch Faktoren behandelt, die die Stiltfärbung der Phraseologismen beeinflussen; diese sind 1) stilistische Eigenheiten der einzelnen Komponenten, 2) Eigennamen als Komponenten der Phraseologismen und Realienbezeichnungen, die für die entsprechende Nation charakteristisch sind, 3) Herkunft der phraseologischen Einheit, 4) Abbilder, worauf die phraseologischen Einheiten beruhen.